

УДК 372.46:81'23
ББК Ч410.241.3+Ш100.6

Е.С. Красноперова
Екатеринбург

Усвоение грамматических форм в дошкольном онтогенезе

Аннотация: В статье рассматривается процесс освоения грамматики на ранних этапах онтогенеза с привлечением теоретического аппарата ассоциативно-сетевой модели владения языком, предложенной Ю.Н. Карауловым. По результатам проведенного исследования сделаны выводы о частотности грамматических форм в речи детей в возрасте от двух до пяти лет, а также о роли указанных форм в процессе конструирования ребенком собственной языковой системы.

Ключевые слова: онтогенез, конструктивистский подход, ассоциативная грамматика, ассоциативно-вербальная сеть, диссипация.

Сведения об авторе:

Красноперова Евгения Сергеевна, студент 2 курса Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; evgenia113@gmail.com.

E.S. Krasnoperova

Yekaterinburg

The acquisition of grammatical forms in pre-school ontogenesis

Abstract: The article discusses the process of development of grammar in the early stages of ontogeny, involving theoretical apparatus associative network model of language proposed by Y.N. Karaulov. According to the results of the research conclusions about the frequency of grammatical forms in the speech of children aged two to five years, and the role of these forms in the process of constructing the child's own language system.

Key words: ontogeny, constructivist approach, associative grammar, verbal associative network dissipation.

About the author:

Krasnoperova Evgenia Sergeevna, Student of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Систематический анализ усвоения ребенком грамматического компонента языка показывает, что примерно к трехлетнему возрасту в речи ребенка представлены все основные формы связной речи: центральные функции морфологических категорий, наиболее системные средства их выражения.

Столь быстрое освоение грамматики родного языка в рамках генеративного подхода объясняется наличием у ребенка уже при рождении некоторых готовых форм, которые в дальнейшем лишь модифицируются, приспособляясь к языку окружающих ребенка людей. Такие формы получили название «универсальной грамматики». Сторонники противоположного, функционально-конструктивистского подхода считают, что языковая система формируется прижизненно, на основе самостоятельно осуществляемой им обработки речевого инпута, в результате естественно-го для человека стремления к общению с другими людьми.

В настоящее время положение о врожденности универсальной грамматики сменяется идеей о врожденной способности ребенка к освоению языка. Данный тезис вполне сопоставим с положениями функционально-конструктивистского направления.

В рамках нашего исследования используется конструктивистский подход, который предполагает, что компоненты языковой способности изменяются (развиваются, усложняются, совершенствуются) в ходе онтогенетического развития. В сознании ребенка фонематические, лексические и грамматические обобщения формируются не одновременно, а постепенно, что позволяет исследователям наблюдать смену временных языковых систем на каждом возрастном этапе. Ср.: «... язык не дается ребенку при рождении..., но зато ему дана уникальная способность самостоятельно выстраивать в собственном сознании все компоненты языковой системы (фонологический, морфологический, синтаксический, лексический и ряд иных), а также пере-страивать и совершенствовать эту систему в течение всей жизни при взаимодействии с другими людьми» [9, с. 14].

Для описания языковой системы, выстраиваемой в сознании ребенка, обратимся к модели владения языком, предложенной Ю.Н. Карауловым [3; 4]. Согласно этой модели в сознании носителя языка грамматические формы и значения воплощаются в конкретных лексемах, следовательно, грамматические знания в памяти индивида хранятся лексикализовано. Ср.: «...правила словоизменения, соединения слов и словообразования, т.е. грамматика, которая находится в распоряжении стихийного носителя языка, вся сплошь лексикализована, привязана к отдельным лексемам, как бы распределена между ними и целиком «размазана», разлита по ассоциативно-вербальной сети» [3, с. 6-7].

Такой способ представления грамматики в сознании носителя языка, в интериоризованном виде, не совпадающем с результатами ее лингвистического описания, назван «ассоциативной грамматикой». Ассоциативная грамматика – это грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, грамматика речевой деятельности, намерений, тенденций и готовностей говорящего, грамматика «в живом, готовом к употреблению виде» [3, с. 7].

Диссипация, свойственная ассоциативно-вербальной сети, то есть потенциальность, принципиальная неполнота и размытость парадигмы каждого конкретного слова и ее распределенность между разными лексемами в сети, обнаруживается на уровне грамматических структур в неполноте словоизменительной парадигмы, низкой частотности некоторых грамматических форм [3, с. 252-254]. Неравномерность распределения грамматических форм по ассоциативно-вербальной сети, позволяет предположить, что именно более частотные формы несут на себе основную нагрузку в речевой деятельности.

В качестве гипотезы выдвигается предположение, что генетически первичные грамматические формы, усваиваемые ребенком, остаются наиболее частотными на дальнейших этапах речевого развития, несут на себе основную речевую нагрузку, составляя ядро языковой системы, конструируемой ребенком.

Для проверки выдвинутой гипотезы мы определили последовательность усвоения грамматических форм внутри грамматических категорий падежа и рода существительного, лица глаго-

ла, проследив процесс формирования грамматического строя по трудам А.Н. Гвоздева [1; 2], С.Н. Цейтлин [9; 10].

А.Н. Гвоздев выделяет этап формирования первых форм слов (1 год 10 месяцев – 2 года 1 месяц), когда начинается конструирование субстантивной и глагольной парадигматики.

Самыми первыми из осваиваемых ребенком категорий существительного являются категории числа и падежа, самой последней – категория рода (большинство детей осваивает ее к двум с половиной - трем годам). Усвоение всех шести падежных форм происходит к началу третьего года жизни. Первыми грамматическими формами являются следующие: формы именительного падежа единственного числа и множественного числа, формы винительного падежа, затем появляются формы родительного (чаще в функции объекта) и предложного падежа, формы творительного и дательного падежа усваиваются последними.

К двум годам в речи ребенка появляются прилагательные, чаще всего в форме именительного падежа мужского или женского рода, но без согласования с существительными. Ошибок в построении форм прилагательного в речи детей старше двух – двух с половиной лет практически не встречается. Исключены ошибки и в выборе формы числа, падежа и рода прилагательных, относящиеся к освоению плана содержания соответствующих категорий. Поскольку категории рода, числа, падежа прилагательных выполняют структурные функции, они осваиваются очень рано благодаря формированию согласовательных схем, связывающих формы существительных и прилагательных. Тем не менее, согласование по роду осваивается позднее, чем согласование по числу и падежу. Ошибки согласования представляют собой не соответствующий норме выбор формы рода прилагательного. Таким образом, в грамматической категории рода форма среднего рода усваивается последней.

Осознание речевого дейксиса, позволяющее соотнести участников отображаемой в высказывании ситуации с говорящим и слушающим, начинается обычно на втором году жизни и находит свое выражение в использовании личных местоимений и личных форм глагола. В сфере освоения персональности наблюдаются существенные различия между детьми – некоторые из них осваи-

вают личные местоимения и личные формы глагола уже к середине второго года жизни, другие путают местоимения Я и ТЫ или говорят о себе в 3-м лице вплоть до трех лет.

Общая последовательность усвоения личных форм предполагает первоначальное использование формы 2-го лица единственного числа повелительного наклонения и 3-го лица единственного числа изъявительного, затем освоение форм 1-го лица единственного числа и, наконец, форм 1-го и 3-го лица множественного числа. Формы 2-го лица множественного числа не появляются в речи ребенка в рассматриваемый период.

Выделены генетически более ранние формы различных грамматических категорий, а также формы, не востребованные на начальном этапе речевого развития. Для существительных актуальными становятся формы именительного и винительного падежа единственного и множественного числа, для глаголов повелительного и изъявительного наклонения формы 1-го и 3-го лица единственного числа, для прилагательных формы мужского и женского рода. Не актуальными для ребенка на этапе развития от двух до пяти лет являются формы 2-го лица множественного числа глаголов, редко используемыми формы среднего рода прилагательных.

Определение в нашей работе некоторых грамматических форм как генетически более ранних и актуальных на определенном этапе развития, а некоторых как мало или совсем невостребованных в конструируемой ребенком языковой системе требовало дальнейшей проверки.

Объективирование фрагментов ассоциативно-вербальной сети носителя языка проводилось методом анализа словоупотреблений. Определение ассоциативной грамматики как грамматики речевой деятельности, намерений, тенденций и готовностей говорящего позволяет нам рассматривать ряд словоупотреблений конкретного слова в речи носителей языка как серию одномоментных фиксаций состояния ассоциативно-вербальной сети, ее определенного участка [5, с. 7].

В качестве материала для первичного исследования были использованы записи детской речи, взятые из дневника наблюдений А.Н. Гвоздева [1; 2], Корпуса детских высказываний

В.К. Харченко [7], Словаря детской речи В.К. Харченко [6] и Словаря детских словообразовательных инноваций С.Н. Цейтлин [8]. Все высказывания как спонтанные, так и произнесенные в ходе диалога, принадлежат детям в возрасте от двух до пяти лет. На данном этапе исследования нас интересовала частотность грамматических форм падежа существительных, родовых форм прилагательных, а также личных форм глагола.

Было проанализировано 50 словоупотреблений существительных «книжка», «мяч», «яблоко». В процентном соотношении формы винительного падежа составляют 66% всех словоупотреблений, формы именительного падежа – 14%, родительного – 14%, творительного – 4%, предложного – 2 %. Формы дательного падежа не были представлены в речи детей.

К началу третьего года жизни ребенок усваивает все падежные формы существительного, но в рассматриваемый нами период актуальной для него, самой частотной остается форма винительного падежа, усвоенная одной из первых. Относительно невысокий процент употреблений форм именительного падежа можно объяснить тем, что анализируемые существительные обычно выступают в высказывании в качестве объектов.

Полученные данные соотносятся с иерархией падежей по степени их распространенности в ассоциативно-вербальной сети: винительный, именительный, предложный, родительный, творительный, дательный [3, с. 21]. Высокий процент словоупотреблений в форме родительного падежа объясняется характером инпута, получаемого ребенком, частым использованием данной формы для обозначения частичного и неопределенного объекта.

Анализ случаев употребления качественных прилагательных выявил широкую представленность в речи детей размерных прилагательных «большой», «маленький», которые появляются в лексиконе одними из первых. Неправильное согласование прилагательных и существительных по роду говорит о том, что некоторые родовые формы не усвоены, поэтому в данном исследовании нас, в первую очередь, будут интересовать именно такие случаи.

Из 130 словоупотреблений прилагательных лишь в 5 отмечается неправильное согласование по роду. Три случая неправильного согласования с существительными среднего рода, один случай – неправильное согласование по роду под влиянием существительного среднего рода. Можно предположить, что категория рода как согласовательный класс усваивается на ранних этапах овладения языком, но формы среднего рода остаются трудными для освоения. Ю.Н. Караулов, анализируя представление категории рода существительных в ассоциативно-вербальной сети, отмечает существенно меньшее количество форм среднего рода. Вероятно, носитель языка преодолевает возникшие сложности согласования на следующем этапе речевого развития, но количество данных форм в речи как было, так и остается значительно меньшим по сравнению с количеством форм мужского и женского рода.

В исследовании частотности личных форм глагола объектом анализа стали предложения, имеющие в своем составе личные формы глаголов *играть*, *гулять*, *спать*. Эти глаголы действия рано появляются в лексиконе ребенка. Для анализа использовались формы изъявительного наклонения настоящего и будущего времени.

Было проанализировано 60 словоупотреблений личных форм глаголов *играть*, *гулять*, *спать* (приложение № 3). В процентном соотношении формы 1-го лица ед.ч. составляют 50% всех словоупотреблений, формы 3-го лица ед.ч. – 27%, 1-го лица мн.ч. – 10%, 3-го лица мн.ч. – 8%, 2-го лица ед.ч. – 5 %. Формы 2-го лица мн.ч. - не были представлены в речи детей.

Преобладание 1-го лица ед.ч. одна из характеристик детской речи (на определенном этапе развития ребенка), выделяемая исследователями. Отмеченное в ассоциативной грамматике преобладание форм 3-го лица, объясняемое его «известной нейтральностью», «немаркированностью» [3, с. 37], проявляется на этом этапе и, вероятно, будет усиливаться в дальнейшем.

Таким образом, гипотеза о высокой частотности генетически первичных грамматических форм, усвоенных на ранних этапах речевого развития, получает свое первоначальное подтверждение на материале детской речи.

Литература

1. *Гвоздев А.Н.* Вопросы изучения детской речи. – СПб.: Детство-Пресс, 2007. – 472 с.
2. *Гвоздев А.Н.* От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. – М.: КомКнига, 2005. – 320с.
3. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330с.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. *Караулов Ю.Н.* Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. – М.: КомКнига, 2006. – 168 с.
6. *Харченко В.К.* Словарь детской речи. – Белгород: Белгородский гос. пед. ун-т, 1994. – 256 с.
7. *Харченко В.К.* Корпус детских высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2012. – 520 с.
8. *Цейтлин С.Н.* Словарь детских словообразовательных инноваций. – Munchen, 2001. – 205 с.
9. *Цейтлин С.Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – 592 с.
10. *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.

©Красноперова Е.С., 2015